

Йен Бэнкс

ОСАДА

Рядовой Ватуэйль, прежде числившийся в рядах Первого Кавалерийского Отряда Их Высочеств, а впоследствии разжалованный в Третий Экспедиционный Отряд Саперов, отер струившийся по лицу пот чумазой заскорузлой ручищей. Он попытался переместить согнутые колени на несколько сантиметров дальше по каменному полу туннеля, был наказан за это судорогой, которая с новой яростью скрутила мышцы ног и, поняв, что ничего сделать не удастся, вновь воткнул свою лопату с короткой ручкой в перегородившую туннель прямо перед ним стену грязи и дерьма, из которой там и сям выдавались булыжники. Усилие, которое он приложил к лопате, вызвало новый приступ мышечной боли, но на этот раз волна судорог прокатилась по спине и согнутым плечам. Порядком затупившаяся лопата с трудом проткнула слой слежавшейся земли, булыжников и нечистот, а затем стукнулась о скалу, которую он скрывал под собой.

Еще одна судорога намертво закоротила его руки, кисти и плечи, заставила стиснуть зубы и покачаться туда-сюда, точно колокольный язычок. Он с трудом сдерживал крик боли, но когда открыл рот, то вместо того, чтобы завопить, просто вдохнул еще одну порцию влажного, теплого и затхлого воздуха, пропитанного запахами его собственных кожных выделений и вонью тел остальных саперов, работавших в поте лица по соседству.

Он снова воткнул лопату в грязевой комок и попытался определить, где именно погребен под землей и нечистотами кусок скалы; подергал лопатой, пробуя нащарить краешек скального препятствия и скосыгнуть его с места. Но с обеих сторон лопата нащарила лишь что-то очень твердое, и удары снова эхом отдались в его руках и спине. Он выдохнул сквозь зубы, опер лопату о правое бедро и пошарил за спиной в поисках киркомотыги. Он продвинулся слишком далеко с тех пор, как в последний раз пользовался ею, и теперь ему нужно было, понукая мышцы спины, повернуться, чтобы отыскать ее.

Он проделал это со всевозможной осторожностью, стараясь не попадаться на пути человека, работавшего справа от него, — тот уже ковырялся в отвалах, разыскивая свою киркомотыгу и без усталости сдавленно чертыхаясь. С другой стороны оказался новобранец, чье имя он уже позабыл. Салага продолжал вяло тыкать грязевую стену своей лопатой, хотя усилия его не давали никакого видимого результата. Новобранец выглядел силачом и, казалось, способен был работать без передышки, но на лице его отражалась усталость. Как только они доберутся до цели, его наверняка снимут с работ. Правда, он и сюда-то попал, надо полагать, за недостаточное прилежание.

За спиной Ватуэйля туннель уходил во мглу, подсвеченную сполохами керосиновых ламп. Насколько он мог разглядеть, полуголые люди стояли на коленях или, отдыхая, бродили туда-сюда, согнувшись почти до поясницы, менялись местами в пространстве и без того ограниченном, да еще заваленном лопатами, кирками, совками и врубовыми барами. Сквозь кашель и сопение, прерываемые редкими горькими репликами, пробивался неровный гул пустой вагонетки, ползущей к ним по туннелю. Он видел, как в конце освоенного туннеля она с

тяжелым постукиванием остановилась.

— Ну что, опять корчишь из себя неженку, Ватуэйль? — осведомился молодой капитан, подбравшись к нему на полусогнутых. Молодой капитан был единственным из всех находившихся сейчас в туннеле, кто не снял верхней одежды. Он презрительно усмехался и, по всему судя, хотел бы вложить в эти слова как можно больше сарказма. К сожалению, он был так юн, что Ватуэйль просто не мог воспринимать его всерьез и думал о нем как о ребенке. Под "корчить из себя неженку" молодой капитан подразумевал происшествие, имевшее место около часа назад, когда они только приступили к работе. Ватуэйлю почти сразу стало плохо, он упал, и его вырвало. Это повлекло за собой крайне неприятную необходимость посылать наверх в вагонетке внеочередный груз отходов.

Ему стало плохо еще после завтрака наверху, и продолжалось это весь спуск. Особенно в самом конце, когда тошнота подкатила к горлу с удвоенной силой. В таких местах ему всегда было плохо. Он был высок ростом и поэтому ударялся о своды и подпорки туннеля гораздо чаще остальных. У него быстро появились "кнопки", как называют их опытные саперы: участки затвердевшей кожи, выступающие над каждым позвонком, точно огромные бородавки. И даже когда он мог позволить себе разогнуться, боль не отступала сразу. Кроме того, ежедневного рациона воды ему явно было недостаточно, и жажда все усиливалась.

Дальше по туннелю раздались нестройные возгласы и какое-то странное погромыхивание. На миг ему показалось, что начинается обвал, и по телу пробежал холодок страха — но в темном закутке сознания родилась мысль: *По крайней мере, это будет быстро. И все наконец закончится.* Затем еще одна вагонетка возникла из тьмы и врезалась в задок первой, отчего из обеих вылетело облако пыли, а передняя пара колес первой вагонетки соскочила с рельсов и уткнулась прямо в барьер. Последовали еще более громкие и недовольные возгласы: рельсоукладчиков распекали за то, что шпалы, как оказалось, были уложены неровно, грузчиков сверху — за то, что не опорожнили вагонетку до конца, а всех остальных — за то, что не обратили внимания и вовремя не предупредили. Молодой капитан приказал всем, кто был подальше от передовой туннеля, водружать вагонетку обратно на рельсы, и добавил:

— К тебе, Ватуэйль, это не относится. Продолжай работать.

— Да, сэр, — ответил он и поднял киркомотыгу. По крайней мере, рядом с ним теперь никого не было, и это, возможно, позволит как следует подладиться к преграде. Он повернулся и воткнул мотыгу в то место, где застопорилась лопата, на миг представив себе, что это затылок молодого капитана. Вытащил ее из кучи, повернул так, чтобы орудовать всей плоскостью лезвия, а не только острием, слегка переменял позу и снова врубился в работу.

Спустя какое-то время ты уже чувствуешь, что делается на другом конце совка или мотыги, обретаешь способность прозревать сокрытые от обычного взора глубины дерьма, пусть и только на краткий миг.

По рукам и предплечьям прокатилась новая мучительно болезненная судорога, очередная в этом году, который он почти безвылазно провел здесь, внизу. Но он почуял, как слегка уплощенное лезвие наносит что-то вроде двойного удара по куче, проскальзывая меж двух обломков, а может, погружаясь в разлом куда более массивной скалы. *Такое впечатление, что там какая-то полость,* подумал он, но отбросил это предположение.

Теперь он был вознагражден — у него появился рычаг. Он приналег на истертую рукоять мотыги. Что-то подалось внутри кучи, а затем при слабом свете лампы, укрепленной на его каске, он увидел, как кусок слежавшейся грязи длиной с его предплечье и высотой ему по самую макушку бесшумно вываливается навстречу. Ошметки грязи и дерьма, а также мелкая галька взлетели до колен. Из дыры появился камень, украшенный резьбой, а за ним оказалась прямоугольная дыра. В дыре было чернильно-черное ничто. Он уловил идущее оттуда слабое дуновение холодного воздуха, пахнувшего старыми стылыми камнями.

Великий замок, осажденная твердыня, высился посреди широкой равнины на ковре стелящегося поземь тумана, и было в нем что-то нереальное. Ватуэйль припомнил свои сны. В этих снах он знал, что на самом деле замок нереален, или, точнее, реален, но где-то в ином измерении; непостижимым образом — благодаря магии или же технологии, неизвестной ему, — крепость была вознесена над равниной, так что они могли бы рыть туннель вечно и так и не докопаться до фундамента, не найти основания замка, продираясь через убийственно жаркий, согретый дыханием их собственных глоток сумрак, вечно агонизируя и надрываясь без цели и причины. Он никогда не рассказывал об этих видениях, потому что не знал, кому из соседей по туннелю может доверять, и подозревал, что, если содержание его ночных кошмаров станет известно кому-то из вышестоящих, в них увидят попытку морально разложить солдат, пустив вздорный слух, будто все их труды напрасны и бессмысленны. А такие действия непременно расценили бы как предательство.

Замок был воздвигнут на мощном скальном основании, каменном острове посреди затопленных равнин в бассейне великой реки, постоянно менявшей свое русло. Уже в силу одного этого он был достаточно защищен, почти неприступен. Но им сказали, что взять крепость все же можно. Почти год ушел на бесплодные попытки взять замковый гарнизон измором, а затем (это случилось года два назад) было решено, что лучше подвести большие осадные машины достаточно близко к скальной основе. Эти великанские механизмы из дерева и металла маневрировали вокруг крепости по специально проложенной дороге и могли метать каменные ядра или металлические бомбы, десятикратно превосходившие весом взрослого мужчину, на много сотен шагов по равнине. Но выяснилось, что подвести их на достаточно близкое расстояние к самому замку не так-то просто: там они подвергались угрозе обстрела со стороны военного механизма, построенного защитниками крепости. Это было гигантское требуше, водруженное на вершине массивной круглой башни, господствовавшей над цитаделью.

Механизм этот господствовал также и над всей равниной почти на две тысячи шагов вокруг, отчасти по причине высоты башни, отчасти ввиду его собственных огромных размеров. Все попытки осаждавших подвести свои машины к замку натывались на яростный обстрел камнями из замкового требуше, которые выводили из строя осадные механизмы и давили солдат, как спелые арбузы. Инженеры неохотно доложили, что соорудить машину столь мощную, чтобы она оставалась боеспособной на расстоянии, недоступном катапульте вражеского требуше, и все еще могла оттуда причинить ущерб крепости, по-видимому, невозможно.

Вот поэтому они и рыли туннель под скалой, на которой высился замок. Следовало прорыть его до поверхности и построить там маленькую, но доста-

точно мощную осадную машину прямо под носом у вражеского гарнизона, работающую, предположительно, под тем же углом, на который было рассчитано замковое требуше. Ходили упорные слухи, что эта идиотская конструкция будет чем-то вроде бомбы, что она сможет, подбросив саму себя в воздух, подлететь аж до крепостной стены и, сдетонировав там, разрушить ее. Чушь, конечно, и никто в нее всерьез не верил, однако чуть более правдоподобная идея — соорудить достаточно мощную деревянную катапульту или требуше в котловане, вырытом на конце туннеля, также воспринималась как смехотворная и идиотская.

Очевидно, когда они докопаются до скального основания замка, их заставят пробиваться сквозь скалу. Или заложить под нее гигантскую бомбу. Или еще что-то потребуют. Ничуть не менее абсурдными и бессмысленными были и остальные тактические придумки высшего командования, которое, пребывая куда как далеко от всей этой фронтовой заварушки (и, если верить слухам, оставаясь к ней вполне равнодушным), вполне могло решить, будто замок стоит на равнине, а не на скальном возвышении, и что его стены можно подрывать обычным порядком. И никто, ни одна живая душа, находившаяся ближе к месту событий и понимавшая, как на самом деле обернется дело, не подумал, а может, не осмелился пояснить им, что это невозможная затея. Правда, кто сейчас знает наверняка, о чем думают в высшем командовании?

Глядя на высившуюся вдалеке крепость, Ватуэйль упер кулак в спину и попытался расправить плечи и встать прямо. С каждым днем ему было все тяжелее стоять выпрямившись. К несчастью, такая раболепная согнутая поза не находила одобрения у офицеров, особенно у молодого капитана, который его так невзлюбил.

Ватуэйль посмотрел на скопище серо-коричневых палаток, означавшее их лагерь. Облака над ними, казалось, начали расступаться, в серовой пелене над двумя рядами холмов на границе широкой равнины даже проявился смутный силуэт солнечного диска.

— Да встань же ты прямо, Ватуэйль! — досадливо бросил молодой капитан, выныривая из майорской палатки. Молодой капитан был в лучшей своей униформе. Он мог бы приказать и Ватуэйлю одеться в самое лучшее, что у того было, если б у Ватуэйля имелась такая форма. — Но не думай тут отлынивать весь день. Войдешь, четко доложишь о сути дела и свалишь обратно. Тебя никто не освободит от заданной работы, так и знай. Даже не думай. Туннель должен быть закончен к сроку. Руки в ноги!

Молодой капитан несильно треснул Ватуэйля по уху, отчего фуражка перекосилась набок. Ватуэйль замешкался, оправляя головной убор, и молодой капитан счел нужным выдать ему еще одного пинка под зад, пока они протискивались через узкий вход в палатку.

Войдя, он собрался с мыслями, выпрямился и встал на том месте, где ему было велено стоять, перед советом офицеров.

— Рядовой Ватуэйль, номер... — начал он.

— Нам не нужен твой номер, рядовой, — заметил один из двух майоров. В палатке, кроме них, оказались еще три старших по возрасту капитана и полковник. Довольно внушительная компашка. — Просто доложи, что произошло.

Он вкратце пересказал, как все было. Как он отгреб с дороги дерьмо и скальные обломки, просунул голову в дыру и втянул носом этот странный, пещерный

запах, исходивший из темноты, как услышал журчание воды и увидел искорку потока, блеснувшую в канале далеко внизу. Как затем полз обратно, чтобы отчитаться перед молодым капитаном и остальными.

Все это время он смотрел в одну точку где-то над головой полковника и только однажды позволил себе опустить взор. Офицеры покивали. У них был усталый вид. Субальтерн что-то записал на планшете.

— Можешь идти, — сказал Ватуэйлю старший по возрасту майор.

Он полуобернулся, намереваясь выйти из палатки, но затем остановил начатое движение.

— Позвольте обратиться, сэр. Я еще не обо всем доложил, сэр, — сказал он, глядя на полковника и на молчавшего доселе майора.

Майор воззрился на него.

— Что?

Он вытянулся по стойке "смирно" — как мог, и снова уставился куда-то поверх головы полковника.

— Мне показалось, что там может быть вход в систему водоснабжения замка, сэр.

— Ты тут не затем, чтобы думать, рядовой, — сказал майор, но тон его не был недоброжелательным.

— Нет, — сказал полковник. Он заговорил в первый раз за все это время. — Я того же мнения.

— Но это довольно далеко, сэр, — заметил молодой майор.

— Мы отравили все близлежащие источники, — сказал полковник, — но это не дало особого результата. А обнаруженный рядовым канал протекает в направлении ближних холмов.

Ватуэйль осмелился кивнуть, показывая, что полковник не одинок в этой мысли.

— Там провели мы много весен, — сказал старший майор, обращаясь к полковнику. Очевидно, это у них была какая-то общая шутка¹.

Полковник поглядел на Ватуэйля с хитрым прищуром.

— А вы ведь были кавалеристом, не так ли, рядовой?

— Да, сэр, был.

— И какого ранга?

— Капитан конной гвардии, сэр.

Тишина.

Полковник поторопился разорвать ее вопросом:

— И что?

— Я нарушил субординацию, сэр.

— И попали в рядовые саперы? Это что же вы должны были отчебучить?

— Так было решено, сэр.

Раздалось сдавленное покашливание, которое, впрочем, могло сойти и за смех. По знаку полковника офицеры придвинулись поближе, почти касаясь друг друга лбами. Они посоветовались какое-то время, затем старший по возрасту майор сказал:

— Мы намерены послать в водный туннель небольшой разведывательный отряд, рядовой. Возможно, вы изъявите готовность присоединиться к нему.

¹В английском языке слова "весна" и "ключ, родник" звучат и пишутся одинаково.

— Я выполню приказ, сэр.

— Нам потребуются люди, знакомые как с оружием, так и с копалкой, но пойдут только добровольцы.

Ватуэйль подтянулся, насколько хватило сил. Спина молила о пощаде.

— Я вызываюсь добровольцем, сэр.

— Отлично. Вам понадобится не только лопата, но и арбалет.

— Я смогу нести и то, и другое, сэр.

— Хорошо. Доложите старшему офицеру смены. Вольно.

Вода стояла довольно высоко и оказалась пронзительно холодной. Стоило немного пройти, как обувь безнадежно промокла. Он шел четвертым, с потушенной лампой. Только у передового лампа еще светилась, да и то все тусклее по мере того, как они углублялись в туннель. Водный туннель был овальной формы, высотой почти в человеческий рост и достаточно широк, чтобы мужчина мог раскинуть руки. Правда, при ходьбе приходилось немного пригибаться. Но после стольких месяцев, проведенных согнувшись в три погибели, это было совсем не сложно.

Воздух здесь оказался на удивление хорош, куда лучше, чем в том туннеле, который они прокладывали. Слабый ветерок легонько обдувал их лица, пока они стояли в воде, готовые в любой момент дать деру обратно в ответвление, ведущее в уже проложенную секцию. Двенадцать человек, составлявших разведывательную команду, двигались по частично заполненной водой трубе так тихо, как только могли, опасаясь наткнуться на стражников или попасть в ловушку. Командовали отрядом капитан — уже в годах, стреляный воробей — и молодой субальтерн, человек язвительный, но смывленный. Кроме него, были в отряде и еще двое саперов, физически люди куда крепче, но обладавшие меньшим боевым опытом. Как и он сам, саперы тащили мотыги, лопаты, топоры, арбалеты и короткие мечи. Самый сильный нес вдобавок и врубный механизм, водрузив его на широкие закорки.

Этих двоих выбрал молодой капитан. Он остался крайне недоволен тем, что на вылазку в водный туннель отрядили Ватуэйля, а не его самого. Ватуэйль полагал, что по возвращении его ждет еще не такая взбучка.

Если он вернется.

Они дошли до места, где туннель значительно сужался, и канал перегораживали железные прутья. К счастью, расстояние между ними было достаточно велико, чтобы туда мог протиснуться один человек. После этого они попали в секцию, где пол туннеля резко шел под уклон, и там пришлось спускаться по двое: каждый держался одной рукой за свою стену, а другой прихватывал напарника, когда тот начинал соскальзывать под воду. За этой секцией уровень туннеля опять повысился почти до первоначального, но тут же из мрака проступило новое сужение, за которым пол опять наклонно понижался.

Пока они шли, он понял, что не видел этого места в своих снах.

Тем не менее идти тут было куда легче, чем во множестве тех мест, какие он представлял себе в ночных кошмарах, или — как ему теперь казалось — какие *кто-то придумывал* для него. Они могли бы пройти остаток пути до замка, никуда не вгрызаясь кирками и ничего не откапывая. Хотя, конечно, представлялось весьма вероятным, что в конце пути их встретит стража, или же упадет перегородка. Кроме того, туннель мог вообще вести не в замок. Но ведь здесь бы-

ла вода, а выстроен туннель был с таким прилежанием, что странно было такое предполагать: куда, в самом деле, еще может он вести на этой почти безлюдной равнине, как не в крепость? Куда опаснее могли быть стражники или западня. Правда, замок был так стар, что обитатели его, наверно, просто брали воду из глубокого, представлявшегося недоступным отравителям колодца и понятия не имели, как там внизу все устроено. Безопасней, впрочем, было предполагать, что наверху все же знают о системе водоснабжения. Оставалась и другая возможность: древние строители и архитекторы туннеля могли предусмотреть в нем свои средства защиты от вторжения врагов, о которых не было известно даже нынешнему гарнизону. Он начал бессознательно прикидывать, как бы поступил сам, если бы перед ним стояла такая задача.

Течение мысли его вдруг прервалось, когда он уткнулся носом в спину впереди идущего солдата. Человек позади тоже уткнулся ему в спину, и так до конца цепочки — они остановились, не издав ни звука.

— Ворота? — непонимающе прошептал субальтерн. Посмотрев впереди стоявшему человеку через плечо, Ватуэйль действительно увидел довольно широкие воротца, перегораживавшие туннель. Единственная зажженная лампа мало что могла осветить за ними. Вода невозмутимо струилась между тонких прутьев, по всей вероятности, железных. Капитан и субальтерн еще пошептались.

Саперы выступили вперед и повозились немного с воротцами. Те были заперты и снабжены дополнительной вертикальной железной подпоркой. Казалось, что они должны убираться назад, в том направлении, куда двигался отряд, и затем подниматься вверх, в потолок. *Очень странная конструкция*, подумал Ватуэйль. Троим саперам приказали разжечь лампы, чтобы исследовать замки. Запор оказался размером со стиснутый кулак взрослого мужчины, а каждое звено цепи, которой он был перехвачен, — толщиной с мизинец. Он, казалось, был подточен ржавчиной, но лишь ненамного.

Один из саперов, крикнув, поднял топорик, проверил, заточен ли тот, и нацелился разбить им замок.

— Сэр, будет шум, — шепнул Ватуэйль. — Звук может отдаться эхом далеко по туннелю.

— И что ты предлагаешь? Перекусить его зубами? — спросил молодой офицер.

— Я попробовал бы подважить его рычагом, — сказал он.

Старший офицер покивал.

— Попробуем.

Сапер, тащивший вруб, снял механизм с плеч и завозился, устраивая его под запором, а тем временем Ватуэйль с другим сапером попытались скрутить его под таким углом, чтобы усилить действие вруба. Затем, помогая товарищу, все разом навалились на рычаг вруба. Несколько мгновений ничего не происходило, затем раздался негромкий скрежещущий звук. Они выдохнули и расслабились, потом навалились на замок еще раз. Тот сперва глухо щелкнул, а затем с чудовищным лязгом отлетел, и трое солдат, отброшенные инерцией, растянулись в воде на полу туннеля. Сверху на них свалилась цепь.

— Ну очень тихо получилось, — пробормотал субальтерн.

Они поднялись с пола, помогая друг другу, и выстроились в шеренгу.

— Странно, никаких дополнительных подпорок или цепей, — доложил один

сапер, показывая на нижнюю часть воротец.

— Наверное, механизм запрятан где-то глубже, — предположил кто-то.

За створками Ватуэйль увидел что-то вроде каменного водостока — точно кто-то выложил понижающееся дно туннеля узкими прямоугольными каменными блоками, на манер мостовой. *Кому бы это могло понадобиться?* — подивился он.

— Готовы двигаться дальше? — спросил капитан.

— Да, сэр! — рявкнули в один голос два сапера и опустили руки в темную воду, взявшись за нижнюю часть воротец.

— Ну, поднатужьтесь, ребята, — скомандовал офицер.

Они поднажали. С тяжелым скрипучим звуком воротца стали понемногу подниматься. Перемещая точку приложения усилий, они понемногу затолкали их назад в потолок.

Ватуэйль увидел там какое-то движение. Прямо над медленно движущейся решеткой воротец.

— Постойте, — сказал он. Наверное, слишком тихо. В любом случае — никто не обратил на него внимания. Что-то свалилось с потолка — какие-то штуки размером с голову мужчины каждая, одна из них слабо поблескивала в свете лампы. Они раскололись, наткнувшись на края булыжников, и исчезли в мерно бежавшей воде, а их содержимое — темная жидкость — вылилось наружу и смешалось с потоком. Только тогда люди, поднимавшие воротца, остановились. Но было слишком поздно.

— Что это было? — спросил кто-то. Вода в том месте, куда вытекла жидкость, запузырилась, вспенилась, задымилась, огромные серые пузыри газа поднялись с ее поверхности и стали лопаться, исторгая тонкий беловатый дымок. Газ быстро заполнял туннель. Уже было не разглядеть, что же там дальше, за поворотом.

— Да это просто... — начал кто-то. Тут же голос оборвался.

— Назад, парни, — скомандовал капитан. Дымок подползал все ближе.

— Это может быть...

— Назад, ребята, назад.

Ватуэйль слышал, как кто-то из них развернулся и, шлепая по воде, кинулся наутек.

Бледный туман скрыл место, где были воротца. Ближе всех к нему стояли двое саперов, подвигавших решетку. Они выпустили ее из рук, и та с грохотом упала в воду. Один сапер сделал шаг назад. Другой, казалось, замер, как вкопанный. Серовато-молочное облачко было слишком близко. Он сделал вдох и почти немедленно закашлялся. Потом еще раз. Упал, скорчился, охватил руками колени. Его опущенную голову оплела другая шелковая, почти прозрачная ленточка тумана. Он вдруг задержался, поднялся, отчаянно кашляя снова и снова. Повернулся и бросился вниз по туннелю, потом снова упал на колени, вцепился в горло. Глаза его полезли на лоб. Дыхание сперло в гортани. Другой сапер бросился было ему на помощь, но тут же отшатнулся, столкнувшись со стеной туннеля, и сполз по ней с закрытыми глазами. Несколько других солдат, находившихся достаточно близко от облачка, тоже стали кашлять.

Потом, почти одновременно, они бросились прочь, вниз по туннелю, топая по полу, натываясь друг на друга и падая, и брусчатая поверхность под ногами, предназначенная для медленной размеренной ходьбы, вдруг стала скользкой,

как лед. Они пытались бежать, спотыкаясь в неторопливо прибывающей воде. Несколько солдат промчались мимо Ватуэйля.

Тот, в свою очередь, и не думал бежать. *Мы никогда не протиснемся через эти узкие места со всем снаряжением*, подумал он. *А перед ними есть еще наклонные участки, и там мы тоже его не протащим*, явилась следующая мысль.

Облако газа надвигалось по туннелю со скоростью неспешно идущего пешком человека. Оно уже достигло колен и поднималось к паху. Он сделал глубокий вдох еще в то мгновение, как увидел грязновато-серые пузыри, поднявшиеся от воды. Только сейчас он позволил себе выдохнуть и сделать следующий.

Некоторые солдаты кричали и визжали от боли, убегая по туннелю, но основным источником звука оставались лопающиеся и брызжущие пузыри. Облако газа окутало Ватуэйля. Он зажал рукой рот и ноздри, но даже через стиснутые пальцы мог обонять странный резкий запах. Из глазниц потекли слезы, а из носа — сопли.

Решетка слишком тяжелая, подумал он. Прикинул ее вес, потом, прилагая усилия, каких сам от себя и не ожидал, одним точным движением приподнял и протиснулся под прутьями. Вода хлестнула ему в лицо, когда он отпустил решетку. Он поднялся на ноги. Под подошвами форменных ботинок скрипели осколки стекла. Он постарался обойти стороной булыжники, о которые разбились припрятанные бутылки.

Серое облако окутало его, завернуло в себя, точно в плащ, глаза неудержимо слезились и, казалось, начинали вылезать из орбит. Он пробежал по булыжникам, плюхнулся в глубокую воду за ними, потом побежал что было сил, чувствуя, как горят легкие, и мечтая о глотке свежего воздуха.

Каким-то образом ему удалось задержать дыхание достаточно надолго. Постепенно он отбежал так далеко, что не видел уже ни облачков газа в воздухе, ни пузырей на поверхности потока. И вообще почти ничего не видел. Он сделал первый глубокий вдох, наполняя воздухом всю гортань и легкие. Даже выдох причинил его слизистой невероятные страдания. Но он дышал и дышал, прочищая легкие и временами сгибаясь в три погибели от кашля. Каждый вдох был работой, но давался легче, нежели предшествующие.

Из туннеля не доносилось ни единого звука.

Постепенно он продышался и смог передвигаться свободнее.

Он посмотрел назад во мрак — попытался представить, *что* увидит там, когда облака газа рассеются, и можно будет вернуться в найденный им проход.

Он подумал, как долго все это будет продолжаться, и не нашел ответа.

Потом повернулся и пошел в другом направлении.

В крепость.

Стражники слышали, как он скребется в дальнем конце туннеля, где вертикальная колодезная шахта соединялась с основным подземным источником.

Представ перед командирами замкового гарнизона, он сообщил, что поведает им обо всем, что знает. Он всего-навсего скромный сапер, которому посчастливилось избежать ловушки, унесшей жизни товарищей. Но он знает устройство туннеля, прорытого к замку, и помогал сооружать небольшое, но довольно мощное осадное устройство. Кроме того, он изъявил готовность поделиться с ними всей скудной информацией, какая у него есть о соотношении родов войск,

осаждающих замок, об их диспозиции и численности. Он не попросил взамен ничего. Только жизнь.

Они увели его прочь и задали много вопросов. Он дал на них правдивые ответы.

Потом его подвергли пыткам, желая убедиться, что эти ответы действительно правдивы.

Но никакой новой информации вытянуть из него не удалось.

В конце концов, не будучи уверены, что могут вполне ему доверять, и рассудив, что после таких истязаний от него вряд ли будет какой-то прок (а еды в замке было в обрез), они связали его, как цыпленка к жаренью, и выстрелили его телом из огромного требуше, установленного на верхушке главной башни.

Так получилось, что он упал совсем рядом с туннелем, который помогал прокладывать, и до находившихся в тот момент под землей саперов, которые некогда были его товарищами, донесся глухой стук. Они теперь рыли еще одно ответвление туннеля: старое похоронил под собой внезапный обвал.

Последняя его мысль была о том, как он однажды летал во сне.